

Полина ДАШКОВА:

МЕНЯ ИСПОЛЬЗОВАЛИ КАК ГОВОРЯЩУЮ КУКЛУ

Сергей МОЛЧАНОВ

— Полина, все молодые люди мечтают «круто попасть на ТиВи», а вы, замечательно поведая о четырех «любовных историях», исчезли с голубого экрана. Почему?

— Последние два года сразу несколько телеканалов обращались ко мне с предложением стать ведущей... ну, например, «Слабого звена» на Первом. Им казалось, что я — такая железная леди. На самом же деле я тихий, кабинетный, абсолютно не телевизионный человек. Мне казалось все это по меньшей мере странным. А им казалось, что это возможно, что это очень даже интересно. Я отказывалась. Были предложения от НТВ, но я должна была надолго уехать в Германию по приглашению немецких издателей... Что касается ТВС, то они обрабатывали меня долго: прислали официальный факс в издательство, которое выпускает мои книги, звонили туда, отвлекали людей... В конце концов в издательстве мне намекнули, что надо как-то разрешить создавшуюся ситуацию. Я позвонила на канал, хотя и знала, что телеведущей не буду. Но тут начали работать какие-то совершенно русские вещи: а вдруг... авось... Есть у людей продюсерской породы свойство: они как прицепятся! Пробы? Хорошо, пусть будут пробы! Их все устроило, меня — нет. Тут-то мне и надо было или отказываться окончательно, или соглашаться.

— И все-таки вы согласились.

— Да, согласилась. Первая передача была про Кию. Сценарий был чудовищный! Тексты, которые я должна была произносить, я не могла проговорить физически. Это была такая умильная пошлятина, что у меня был вкус мыла во рту. Я переделала, переписала свои текстовые куски. А еще я посмотрела, как работают люди. А работают они в ужасных условиях! Вся студия подключена к единственной розетке, которая находится в женском сортире. Из сортира воняет. Единственное уютное помещение — у господ продюсеров. Всем «остальным» ребятам, настоящим работягам, которые мне очень понравились и из-за которых я и осталась еще на три программы, — ни поесть, ни отдохнуть. А снимается это черт знает где, и в студии нет даже лишнего стула. В том кабинетике, где стояла фанерная декорация, нельзя было даже прислониться к стенке — упадет! Стол оставался занозы...

— Полина Викторовна! Ужель все так действительно страшно?

— А то! Что со мной делать в кадре, они не знали. То возьмите ручку в руки, покрутите; то — медленно, мед-

ленно развернитесь и... отползайте. Абсолютное дилетантство!

— А мне так нравится ТВС...

— Мне тоже нравится, но я же не обо всем канале, а только об этой передаче! Я пыталась сценариста: зачем вы рассказываете эту историю? Должно же быть понятно — зачем? Ну ладно, Кию, надо рассказать про бурную личную жизнь, которую он вел, про девочек и так далее... Но потом были Васильевы, Георгий и Катя. И «Норд-Ост»! Это совсем другого уровня люди. Если бы это была моя авторская передача, когда сам выбираешь героя, сам к нему едешь, спрашиваешь о том, что тебе интересно... Но на ТВС меня использовали просто как говорящую куклу. Как бренд. Мне наивно намекали на рост популярности, но меня не стали чаще узнавать на улицах и продажи моих книжек не изменились — они и без того стабильны и высоки.

— Тогда и вновь — зачем?

— Этот недоуменный вопрос я слышала постоянно: «Зачем вам это нужно?» Отвечаю: не знаю. Тем более денег пока не заплатили, и не знаю, заплатят ли.

— Полина, но это же бесценный для писателя жизненный опыт! Вы, подобно Горькому, можно сказать, босиком вдоль Волги...

— Если я и пытаюсь оправдать эти потерянные полтора месяца съемок по двенадцать часов в день, то только тем, что узнала «кухню» и повстречала очень достойных людей: Георгий Васильев, путешественник Федор Конюхов, их замечательные жены... Еще, конечно, появился опыт стилистической редакторской правки. Потому что вместо «Она почувствовала трепет новой жизни у себя под сердцем!» проще сказать: «Она забеременела». Я надеюсь, что о нормальных живых людях, об истории их взаимоотношений, я рассказала нормальным человеческим русским языком без несусветной пошлятины.

— А вы думаете, что Юлиана Шахова, сменившая вас в качестве ведущей, переписывает для себя тексты?

— Не знаю. В любом случае Юлиана я сочувствую. Беда этой передаче в том, что почти на всех каналах существуют подобные клоны. Первой была то ли Пиманова, то ли Пушкина. Но найдите десять отличий в жанре «лав-стори»! Все мои доводы о ненужности и пошлости клонирования подобных программ не сработали... В конце концов мне нестерпимо захотелось поскорее убежать к своему письменному столу. Но я еще и огребла по полной программе «тупой славы»! Меня как писателя ни за что не пригласили бы в передачу «Без протокола», а вот

Автор популярных романов попробовала себя в качестве телеведущей программы «Любовные истории» на ТВС и делится пережитым с читателями «Вечерней Москвы»

как новое лицо канала ТВС — пригласили. Более чудовищного интервью у меня не было никогда. Подобной степени хамства и недоброжелательности я не припоминаю. В первую же минуту я поняла, что книг моих оба ведущих не читали. Когда кто-то из них сказал, что роман «Эфирное время» — это роман о телевидении, все сразу стало ясно. Но они упорно продолжали настаивать на этом и на том, что они прочитали и поняли всю меня «наскрозь»! И не пропустили в эфир ни одного благожелательного слова. Мне потом говорили люди, что звонили, но в эфир никого не выпустили. За что эти «следователи» меня так?

— Работа такая...

— Дело не в работе. Ну не понравилась я им. А они — мне... Еще один хороший урок. Ведь чувствовала, что не надо к ним идти. Впредь буду доверять своей интуиции.

— Полина, ну его, это телевидение, в... ящик! Читатель «Вечерки»

— самый читающий читатель в мире и очень ждет ваших новых книг! Кстати, какие отношения у вас с коллегами?

— Мы дружим с Дарьей Донцовой, она добрый, теплый, живой, благожелательный человек. Я общалась с Татьяной Устиновой, это новая милая восходящая дама. Заочно знакома с Викой Платовой, очень талантливый человек. Вполне приличные отношения с Володией Сорокиным. Не могу сказать, что я в восторге от его творчества, а он от моего. Но он нормальный человек и не делает козью морду, когда мы где-то пересеекаемся.

— А что, кто-то делает? Из зависти?

— Даже не знаю. Скорее, это смесь невоспитанности и тяжелых личных комплексов. Трудно принять чужой успех. Я же, напротив, радуюсь удачам других. Я все-таки не только писатель, но и читатель.

Вечерняя газета. — 2003 — 10 апр. — с. 7